

Ветер с востока

Этот ветер... Безумный, голодный, немой.

Его власть с каждым часом сильнее надо мной.

Я уже трепещу, как свеча. Посмотри!

Что-то рвется, дрожит и играет внутри...

Тихо-тихо звенят в воздухе небесные колокольцы...

Ветер с Востока принес тучи, и они фырчат и ворочаются в небе, как рассерженные звери.

Дождь, дождь близится...

Щелкают задвижки, проворачиваются ключи в тяжелых замках. Хлопают деревянные ставни на окнах. Огромный железный засов ложится на церковные ворота.

Возница стегает кнутом несчастную кобылу. Торговки сгребая товар в ящики и разбегаются кто куда. Торопятся по домам запоздавшие прохожие.

Беспамятный прячет свою скрипку, сует за пазуху податную плошку и исчезает в только ему ведомой неизвестности.

Закрываются магазины и лавочки. Блекнут сияющие вывески ночных домов.

-Пустите, люди добрые! – молотит кто-то в запертые двери трактира. То ли бродяга, то ли заплутавший господин. Сверху не разглядеть.

Нет, когда остаются *считанные минуты*, никто не отворит страждущим.

Сами по себе гаснут газовые фонари, и Город Спокойствия погружается в таинственный полумрак. Город сворачивается в клубок и замирает, словно испуганная кошка.

Легкий, отрывистый звон, - будто уличный мальчишка кинул на мостовую монетку, - и через мгновение дождь заполняет все сущее. Все сливается, и мир становится един с небом.

Колокольчики растворяются в шуме и грохоте, становятся частью музыки дождя. Неведомый звук все время ускользает, не желая быть пойманным простым человеческим ухом.

Я дышу на оконное стекло и рисую пальцем звезды. Одна, другая... Они появляются и исчезают, пока мое горячее дыхание, как великие Творцы, создает их снова и снова.

Тетушка Элейн до сих пор не заставляет меня надевать нижние юбки.

«Ты еще так похожа на ребенка, моя милая!» - часто говорит она.

И сейчас я, как маленький мальчик, кутаюсь в длинную рубаху моего отца.

-Агата... - шепчет Валентин одними губами, - Ты видишь что-нибудь?

-Нет... Пока нет.

Я вглядываюсь в сумрак улице и, сердце мое сжимается от страха. И все же – я люблю смотреть на дождь. Как и моя мать...

Служители Творцов говорят, что это - большой грех.

И они правы, ведь никто не знает, что будет с тобой, если на кожу упадет хоть одна капля.

Когда-то этот дождь стекал по моим щекам, смешиваясь со слезами. Я помню его вкус.

В нашей комнате так холодно, что изо рта вырываются клубы пара. Большая деревянная кровать, на которой лежит мой Валентин, кривоногая табуретка и кувшин воды на ней да старый сундук в углу – вот и все убранство. Огромное окно, лишенное ставен, решеток и занавесок. Это дом был построен во времена славной королевы Феофелии, когда стена была еще крепка. Во времена, когда *тот самый* дождь был просто мифом, историей, которую на ночь рассказывают детям. Тогда окна и двери были широки и свободны. Люди не вздрагивали от удара грома и смотрели на небо лишь потому, что им нравился его цвет.

«Вот дождетесь, узнают про то служители Творцов и будут гневаться. Окно без ставен что дьяволова пасть!» - частенько укоряла меня тетушка Элейн.

Ах, тетушка! Вы во всем правы! Закрыться от дождя и ночи? Да только для моего бедного Валентина это станет гибельным. А значит, и для меня.

Дождь поредел. Наступало *то самое* время. Страшный и удивительный час преобразования.

По мостовой словно пробегает рябь. Камень становится мягким и вязким, как мёд. Медленно тонут брошенная повозка и деревянные бочки. Танцуют ленивые гребешки каменных волн. Под аркой и у крыльца булочной забурлили водовороты.

«Поглотит ли оно наши дома или оставит жить?» - подумала я, сжимая холодные руки. Но здания стояли, словно в сказочном городе на воде, о котором рассказывали торговцы.

Чего ждать от дождя? Мостовая слишком тверда для него, капли кричат от боли, разбиваясь об нее. Он сжалился и сделал плиты жидкими. Такова его воля.

Что ждать от Него?

На стенах распускаются неведомые цветы. Их листья светятся и извиваются, подобно щупальцам. Золотые, малиновые, серебристые... Достигнув пика цветения, пика своей красоты они растворяются в воздухе, как колечки дыма из курительницы. На их месте прорастают новые бутоны, чтобы также умереть и дать жизнь другим.

-Я вижу там что-то... Я хочу посмотреть, Агата!

Валентин садится на кровати, задыхаясь от напряжения.

Я подбегаю к нему и обнимаю за худые плечи:

-Не надо... Сейчас, сейчас я помогу... Вот так...

На нашем стекле распускается каскад бутонов. Комната озаряется ярким оранжевым светом.

Они здесь? Так близко...

Я задрожала всем телом.

Валентин касается моих волос:

-Как красиво! Это красивее праздничной иллюминации, красивее королевских фейерверков. Не бойся, Агата! Ты ведь не боишься?

-Нет,- я улыбнулась, - Теперь нет.

Страх покинул меня, когда взглянула в глаза *моего человека*, на миг наполнившиеся теплом жизни.

-Мама говорила – это Боги взяли краски в руки. Но в церкви я слышала, что...

Он покачал головой.

-Смотри, Агата, смотри!

Воздух сгустился. Что-то приближалось, медленно и неотвратно. Вновь зазвенели колокольцы, а другие звуки, пропали, растворились. Я перестала слышать даже собственное дыхание.

И тогда появилось *существо*. Оно было похоже на кошку, только много больше, белое в черных полосах. Оно брело по преобразившимся улицам, казалось, без цели; и ступало по жидкому камню, как посуху. Из широкой спины животного прорастали крылья, которые волочились за ним, словно погребальный саван. Одно крыло было меньше другого и торчало под каким-то невообразимым углом.

Чудовище подходило все ближе – звон небес становился громче. Мне вдруг стало ясно – оно пройдет здесь, мимо нашего дома.

Тяжелый шаг... Еще один...

И случилось *нечто*.

Существо подняло свою страшную голову и посмотрело мне прямо в глаза.

Я думала о том, что оно не может меня видеть, о том, что оно не знает, что я здесь. О том, что наше окно так высоко и...

Но оно все же смотрело.

Этот взгляд нельзя забыть. Равнодушный и внимательный, свирепый и добрый, мудрый и бессмысленный. Взгляд не человека и не зверя.

В тот миг на меня впервые дохнуло хаосом и безумием Океана Бурь, бушующего за стеной.

А потом – все смешалось.

Я делаю шаг назад и без сил падаю на кровать лицом вниз. Это выше меня, я не могу больше, я не могу больше ничего...

Откуда-то издалека доносится голос, такой теплый и родной:

-Все развеется к утру... Все развеется, Агата!

Беспокойный сон уносит меня прочь. Я вижу, как Ветер с Востока разрывает меня на части, и я растворяюсь в нем, как неведомые цветы.

Если дождь не кончится – что будет?

Но утро все же наступает, и я просыпаюсь рядом с Валентином.

Улица – такая же, как раньше, только сырая и свежая. Я раскрываю настежь окно и снимаю с подоконника цветочный ящик.

Вот это диво!

-Смотри, Валентин! Они такие здоровенные! Их можно продать и купить тебе лекарство! Да что угодно купить!

Он грустно улыбается и качает головой:

-Не надо. Ты же знаешь, мне не помогают никакие лекарства. Лучше купи чего-нибудь себе.

-Чушь! Какая чушь! Не говори – я не желаю слушать!

Яблоки мориме, которые я посадила на прошлой неделе и правда вымахали до невероятных размеров. Они едва умещались в ящике.

-Это все дождь... - сказал *мой человек*.

Действительно, дождь коснулся своей рукой этих плодов, и они стали красивы и сочны.

Вот только... Называли такие фрукты не иначе как «головы преисподней». По закону их следовало бы сдать церкви, получив взамен мизерную плату и суровый взгляд.

Кто ж их купит?

Разве что ведьма.

Ну ничего. Ведьмы всегда хорошо платят.

-Жди меня, Валентин! Я вернусь совсем-совсем скоро!

-Можешь не торопиться – я как раз хотел вздремнуть, - он зевнул, показывая, насколько сильно он устал.

Воздух после дождя чист и свеж. Правда, совсем недолго. А потом он заполняется запахами пота рабочих с церковной стройки, пряными ароматами мяса, резкой вонью жареных гусениц и липкими оттенками мокрого сахара на медовых пряниках госпожи Мейо. Все это обволакивает меня, стоит лишь переступить порог дома. Город проснулся. Словно он и не спал, а лишь вздремнул на минутку.

Беспамятный – на своем месте, у дверей булочной. Водит смычком, а вокруг роится, словно стая пчел, шустрая и веселая мелодия. Глаза его блуждают где-то вне этого мира, где-то на перепутье. Жаль, у меня нет лишней медяшки...

Я впервые увидела его, когда была совсем маленькой.

-Я хочу! Тоже! Дайте! А я золотой дам! Ну дайте же мне!

Маленький, капризный ребенок прыгает вокруг оборванного нищего. Нищий нелепо качает головой, но все же протягивает ребенку скрипку. Девочка радостно хватается смычок, но еще минута – и отчаянию ее нет предела. Из ее рук вырываются ужасный, скрежещающие звуки.

-Нет! Не надо! – и она кидает инструмент на землю.

-Агата, прекрати!

-Мама, почему, почему я не могу так же, мама?

-Потому что этот человек – волшебник. Только он может создавать такую чудную музыку.

-Волше-ебник?

-Да. А еще мне кажется, что он пришел издалека...

Если спросите как-нибудь на базаре, где живет ведьма Неслышать, то вам скажут – идите к церкви. И вы, конечно же, удивитесь такому богохульству. И будете почти правы.

Всем известно, что у каждого из нас есть свой Бог-хранитель. Всю нашу жизнь он смотрит на нас с небес, оберегая от бед. А после смерти забирает к себе, в страну Творцов. Но если человек много грешит, его Творец может разгневаться. Тогда следует посылать много молитв, чтобы размягчить сердце бога.

Храм было видно издалека. Огромная, многоярусная башня из белого камня. Она возвышалась над городом, затмевая своим величием даже башню королевских встреч. Словно наростами, церковь была покрыта многочисленными надстройками и балкончиками.

Это – вотчина монахов, служителей творцов. Считалось, они служат не только своему Богу-хранителю, а богам всех людей. Стать монахом мог любой человек. Нужно было всего лишь достигнуть шестнадцати лет, обрезать волосы и облачиться в хитон. Вернуться в мир было уже нельзя. Поговаривали также, что с послушниками и послушницами делают нечто, не позволяющее им любить никого, кроме великих Творцов.

Нынче над верхушкой башни курился дым.

«Это молитвы уходят на небо» - поняла я.

Прихожанам позволялась заходить только на первый этаж. Там находилась молитвенная зала. Сверху свисали сотни веревок и уходили в вышину. Потолок был бесконечно высок. Это был первый ярус, над которым властвовали монахи-краснохитонники.

Молитвенные ленточки раздавались бесплатно, но красивые, «правильные» ленты стоили денег. Молящиеся произносили молитву своему Богу и привязывали ленточку к веревке. А потом нужно было сильно дернуть за конец, и веревка уходила на средние ярусы, ярусы пояса. Там жили серохитонники. Они не имели права спускаться ниже, чем на второй ярус, касаться ногами земли они также не могли. Монахи пояса отправляли ленты-молитвы на самый верх, на шпиль благочестия, где жили двадцать праведников. Праведники носили белые хитоны и никогда не открывали лиц. Покинуть шпиль им было невозможно; провизия доставлялось туда с помощью сложной системы подъемников. Праведники бросали ленты в огромную чашу, где они сгорали, а дым сквозь отверстие в крыше уходил прямиком на небеса.

Неподалеку от Белой Башни, рядом с магазином, продающим церковные благовония, жила ведьма Неслышит. Она было толста, черна, носила шаль из шерсти зверя куву и внушала первобытный страх всем видевшим ее. Она любила звонкую монету, свою дочь Бланку, а больше всего – дурить людям голову. Но гадала на картах ловко, к тому же имела острый глаз. Ходили слухи, что и служители Творцов пользуются ее услугами.

«Луше пусть народ ходит к ведьме, чем заглядывается на *стену*», - говорили они.

Как всегда, я вошла без стука. В Обители тайн (так Неслышит именovalo свое заведение) омерзительно воняло. Очевидно, ведьма желала любой ценой перебить аромат благовоний. На стенах скалились безглазые маски и чучела животных (в большинстве своем – собачьи головы). Ноги вязли в грязном, патлатом ковре. Неслышит восседала за дубовым столом и занималась ответственным делом- протирала гадательные шары. Ее дочь, Бланка, валялась на диване и курила какую-то дрянь из кальяна.

-Г`ата! – прогнусавила женщина, - А я знала, что ты придешь, шары сказали мне!

Я внутренне хмыкнула. Увидеть что-либо в этих шарах можно было разве что спяну.

Неслышит прищурилась:

-А ведь ты мне что-то принесла! Вижу-вижу!

Я кивнула и показала яблоки мориме.

-Вот так яблочки! Это же пища богов! Бланка, взгляни-ка! Да брось ты уже свое курево! ...Эх. А меня ведь и под этим самым дождем не растут! Оставила я как-то на ночь кадку. А утром глянула – невообразимая дрянь, да шевелится еще... Я тебе дам за это целых пятнадцать... нет, все двадцать серебряных!

Она некоторое время суежилась вокруг меня, желая напоить травяным чаем (невообразимое пойло, приправленное крепким градусом) и жаловалась на жизнь:

-Ах, гадала вчера одному – и поберите меня великие Боги, если это был не серохитонник! И ведь на любовь гадала, не так просто! Что с миром творится! А Бланка-то совсем от рук отбилась! Курит свою траву, да еще одевается бесстыдно, ляжками сверкает!

Я кивнула. По неписанным правилам незамужним девушкам разрешалось открывать лишь лодыжки и руки до локтя. Семейные дамы обязаны были носить рукава до середины ладони и платья в пол. Однако в последнее время сей запрет часто нарушался: в ясный день девушки частенько щеголяли с голыми коленями. Я не могла внутренне не осуждать их: слишком сильно было воспитание моей бабушки, считавшей, что платье должно волочиться за женщиной, «чтобы Ветер с Востока не надул в нужные места».

Я засобиралась: гадать Неслышит мне все равно не станет. Однажды пыталась, но у нее ничего не получилось.

«Ничего не вижу, один туман» - бросила тогда она.

Валентину ворожить она также не хотела.

«Все равно скоро умрет», - сказала она то, что я и сама знала.

-Оставайся до вечера! Будем кошку резать!

«Резать кошку», «резать мыша», «резать кролля» - всегда одно и то же. Неслышит заставляла Бланку искать на улицахдохлых котов и отлавливать крыс. А вот достать кролика было непросто, - тогда ведьма просто надевала на кошачий труп тряпичные уши. Ближе к полуночи она спускалась в подвал и начинала «некромантическое действо»: разрезание и потрошение. Зрителей всегда было достаточно – экзальтированные аристократы, молодые искатели острых ощущений и звериные врачи (им была полезна

подобная практика, тем более негласно разрешенная церковью). Зарабатывала на том ведьма изрядно, хотя кровь не любила, плевалась.

-Спасибо, но мне действительно пора!

-Слушай, - она вдруг прищурилась, - Брось ты его. Зачем это все, ведь ты...

-Не могу. Ведь он *мой человек*.

На площади королей – шумно. Отовсюду стекается народ. Но стекается вяло, медленно, не то, что в прежние времена.

«Ах да, сегодня же день королевской встречи!» - догадалась я.

Конечно, мне нужно было на базар, но отчего не заглянуть и сюда, раз выдался случай? Заодно послушаю, что люди говорят.

На площади Королей торчала башня. Иначе никак и не скажешь – она была жалкой копией белого храма. Торчала башня весьма криво, а не обрушивалась лишь благодаря удивительному раствору для стен, который привозили торговцы. На крышу сего сооружения раз в месяц поднимался король (или королева), чтобы поздороваться с народом, произнести речь и выслушать жалобы. Но с каждым годом башню стали делать все выше – правители боялись быть осмеянными и закиданными тухлыми овощами. И теперь прошения не могли быть услышаны, а речь читал глашатай, окруженный охраной. Король лишь здоровался с народом, - разумеется, с безопасного расстояния.

Когда я протиснулась в первые ряды, речь уже подходила к концу. Худая фигура принца Алимара едва угадывалась на высоком балконе.

Поговаривали, что принц слаб духом и не желает принимать титул отца. Король Фалимар (мир его праху – он был не самым худшим правителем) однажды решил отправиться в путешествие за стену. Разумеется, он не вернулся: в Океане Бурь нельзя вернуться туда, откуда пришел, и, скорее всего, погиб.

Поговаривали, что на самом деле городом управляют министры, и от казны скоро ничего не останется.

Поговаривали также, что принц мужеложец, значит, наследников у него не будет.

Почетный караул вокруг башни Встреч стоял кое-как, солдаты перешептывались между собой, задние ряды и вовсе играли в кости. Люди смотрели на них без злости, но и без интереса; все были слегка раздражены и уставши. Было видно, что большинство пришло на площадь просто по привычке.

-Эх, что за время, дрянное какое-то! – выругался стоящий рядом мужик, по виду мастеровой,- Видно, правду говорят, что конец стране ни когда народ бунтует, а когда все равно...

-Тише ты! Что несешь-то? – шикнула на него жена.

-А чего? И стена по швам трещит! А старый монах сказывал: крепка защита, пока правитель духом крепок!

-Вот когда славная королева Феофелия была жива, вот были времена! – вздохнула какая-то старушка, - А стена какова была? Мышь не проскочит!

-Все мы умрем. Все станет песком. Ветер с Востока развеет наш дом... - нараспев произнес маленький мальчик. Наверняка повторяет сказанное кем-то из взрослых.

Прочь, прочь! Прочь из этого места! Мне нечего здесь делать!

А что это там, в конце улицы? Люди и клубятся и галдят, и любопытно глядят. И крики слышаться оттуда:

-День торговый, день торговый, дама, жди подарок новый!

Ах, как интересно! Значит, и *они* приехали сегодня? Какой интересный день...

Я прищуриваю глаза и вижу: идут вереницей всадники на черных конях. За ними едут тяжело груженные повозки. И чего только нет на этих повозках! Нечто – спрятано, закрыто плотной тканью, а нечто – лишь угадывается, лишь додумывается. А нечто – видно, во всей красе видно! Вот едут невиданные шкуры, сваленные одна на другую; вот едут клетки, накрытые брезентом – что-то рвется и рычит внутри них; вот едут шары из толстого стекла, наполненные водой – зубастые рыбы таращат глаза и извиваются в них; вот едут громадные бутылки с цветными порошками и пряностями. Вот он, торговый караван!

Черные, покрытые шерстью лошади грузно ступают по мостовой. Всадники кутаются в темные плащи, прячут лица и руки.

Говорят – торговцы не люди. Может, и правда.

Кто знает...?

Я смотрю на процессию, и сердце сжимается. Ведь тогда, в тот самый день, в день торговый...

Девочка. В грязном платье, волосы нечесаны, лохматы. Заблудилась ли она? Или просто бредет, куда глаза глядят?

Она видит караван и смотрит сквозь него, ей все равно, ей не нужно ничего...

А в это время...

В седле, рядом с фигурой, закутанной в плащ, едет мальчик лет тринадцати. Лицо его бело, а глаза синие, как небо. На голову надет черный тюрбан. Он давно путешествует с торговцами, Ветер с Востока оставил следы и на его лице. Он устал: сухие ладони едва держат поводья.

-Ну что? Этот город... Он похож на твой? – спрашивает хриплым голосом темная фигура.

Мальчик жадно смотрит по сторонам, впитывает каждую частичку Города Спокойствия.

Мальчик улыбается:

-Это хороший город. Я останусь здесь.

-Что ж...

И караван уходит дальше, а мальчик остается один посреди улицы.

*Девочка в рваном платье смотрит на него и понимает, что это **ее человек**.*

-Как тебя зовут? – спрашивает она.

-Валентин. Меня так звали когда-то...

-А твой город... Какой он?

Мальчик закрыл глаза:

-Город из синего стекла. Нет... Не могу вспомнить! Ты поможешь мне вспомнить?

Девочка кивает, и ее тревоги отступают, и она становится самой счастливой в мире...

В городе торговцев любят, но слегка побаиваются: ведь они могут беспрепятственно проходить сквозь стену.

Мой отец был портным и частенько сотрудничал с ними.

Однажды случился дождь, и он пригласил торговцев в свой дом.

Капризная малышка вертится, как юла, залезает под стол, путается в накрахмаленной скатерти. Еще бы: нынче в доме гости

-Не мешайся, Агата! Иначе у меня подгорит пирог!

Странные люди не снимают плащей, говорят тихо и хрипло, а едят аккуратно, словно вельможи. Девочка ходит вокруг них кругами и так и норовит заглянуть под капюшоны. Ей немного страшно, но ужасно любопытно: а что же там? Она подолгу смотрит на руки незнакомцев: длинные, тонкие, покрытые морщинами.

Гости просят у хозяина разрешения снять плащи. Он соглашается – это знак большого доверия.

И они показывают свои лица – очень смуглые, лишенные волос. Кожа на них грубая и ороговевшая. Глаза узки и лишены зрачков.

Но малышка совсем не боится, она даже хочет потрогать эту кожу своими маленькими пальчиками.

Один из гостей, самый высокий, улыбается ртом, полным острых зубов:

-Ты хорошо на нас смотришь, дитя. Ты хочешь знать, отчего мы такие?

Девочка очень хочет это узнать.

-Мы действительно отличаемся от вас, горожан, и других людей. Наша родина – Океан Бурь. Мы рождены им, и ветры не обращают нас в песок.

Торговец рассказывает о том, как они находят дорогу в безумии океана, рассказывает о волшебных путевых камнях, которые не дают им заблудиться и передаются из поколения в поколение, рассказывает об удивительных городах и странах, в которых они побывали. Говорит он также и о том, что нельзя вернуться в пути и прийти куда хочешь, ведь нет карт и ориентиров у нашего мира.

-Никогда не знаем мы, куда придем, и новой горизонт видим мы каждый раз.

-Ах!- улыбается мать девочки, - Неужели вы никогда не хотели осесть где-нибудь, в какой-нибудь прекрасной стране?

Нет, ответили торговцы, потому как торговля и странствия – их природа.

-Хотела бы и я когда-нибудь отправиться в путь! – вздохнула женщина, - Возможно ли это?

Они сказали, что такое иногда бывало, но чаще всего это становилось гибельным для путешественников.

-Ветер с Востока безжалостен даже к нам.

Отец хмурится: ему не нравятся торговцы, и не нравится вести с ними дела, но выбора у него нет. Все знают, что без торговли не выжить ни одному городу.

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Мне нужно на рынок тканей – я хочу сшить для Валентина красивый плащ.

Тканый рынок – вотчина Эр`геек, рыжих ткачих. Высокие, носатые женщины с огненными косами. Они пришли к нам из-за стены, но еще в древности и стали частью нашего города.

На каждой руке они носили с десятков перстней, а на голове – цветастые платки. Шатры начинались сразу за площадью. Полотнища свисали сверху и образовывали своеобразный лабиринт со стенками из разных тканей. У входа продавали самые дешевые: небеленый лен, мешковину, плетеные сети. Дальше начинались ткани

подороже, также там продавали ковры и шерсть. Потом лабиринт сужался и скручивался. И тогда начиналось буйство красок, фактур, запахов...

Эр`гейки часто кричали на своем наречии: Ай хавар! Не трогай! И могли не пустить, если одежда твоя грязна. Но те счастливики, что были допущены строгими хозяйками, попадали будто в иной мир. Лоскуты мягкой кожи, пахнущие корицей, бархат, в котором утопали ладони и тончайший шелк. Были здесь ткани, целиком сотканые из круглых бусин, и те, что на солнце меняли свой цвет. Рыжие ткачихи больше не кричали «Ай хавар». Они разрешали нюхать и щупать свои товар и были готовы торговаться до изнеможения. Я бывала здесь часто, с моим отцом. Эр`гейки помнили меня и всегда пропускали в глубины лабиринта, где я подолгу стояла, окунув лицо в мягкое полотно. Я купалась в своей памяти.

Пара блестящих лоскутков покоилась на дне моей сумки. Мне удалось сбить цену почти вдвое, а это что-то, да значит.

Шатры обрывались у самой стены. Я остановилась и, ведомая каким-то необъяснимым чувством, положила на нее свои ладони. Стена была холодной и гладкой. Я запрокинула голову: облака скрывали истинные размеры стены, она терялась где-то в небесах. Никто не знал, насколько она высока. Она охватывала весь город, а также наш лес и дубовую рощу.

Когда появилось стена? Из чего она сделана? Почему от нее нет тени, даже в солнечный день? На эти вопросы не было ответа. Ясно было только одно: она была *всегда*. А сколько длилось это самое *всегда*, не было ведомо.

«Если прислонить к стене ухо, можно услышать, как бушует Океан Бурь» - говорили мне в детстве. Когда я выросла, я поняла, что это неправда...

Я резко отдернула руки. На миг мне показалось, что я ощущаю дуновение ветерка.

Те слухи... Неужели в них есть доля истины?!

Сегодня я иду в то самое место. Я хожу туда уже три года. Мне становится легче от вида этих стеклянных стен. Они пахнут надеждой.

И может быть, этим вечером я принесу моему человеку самый лучший подарок. А может, это случится завтра. Или через неделю. Но это случится, случится обязательно.

-Ты опять здесь? – хмурится верховная смотрительница.

-Но ведь... Сегодня же день белого кролика!

-И что с того?

-У меня есть бумага, та самая бумага...

В городских оранжереях выращивали фрукты и овощи, а также делали лекарства. Три года назад, когда Валентин заболел, я продала дом отца и принесла все деньги сюда. Один ученый, господин Монко говорил, что вырастет живительные персики. Они будут стоить очень дорого, но самый маленький как раз хватит. Живительные персики смогут вылечить любую болезнь

Я ничего не говорила Валентину, потому что хотела сделать ему сюрприз. А может, потому, что не была уверена.

-Ах, персики... - смотрительница кивнула, - К сожалению, сегодняшний дождь уничтожил всю поросль.

-Что?!

-Новая прорастет... м-мм... Года через два. Тогда и приходи.

-Но у меня нет времени! У меня совсем нет времени!

Она вспыхнула:

-А мне-то что за дело! Мы тоже много потеряли! Молись светлым Богам, чтобы не было нового дождя! И не слишком бы я доверяла этим самым персикам! Я ведь больше не работаю на господина Мокко! Он бездарен, к тому же молится дьяволу. Лучше купи-ка сочных бодрящих груш! Вот это сильное средство.

Я не захотела покупать груши. Я больше ничего не хотела.

Что я скажу Валентину, когда войду в комнату? Смогу ли улыбаться также, как улыбалась утром? Он догадается, он сразу почует фальшь, а может быть он даже спросит меня: а зачем все это? Зачем ты говорила, что спасешь меня? И кого ты утешала? Ведь

меня никогда не волновало мое состояние! Может, тебе все равно, что будет со мной? Может, ты просто боялась остаться одна?

Но он не говорит мне ничего. Когда я вошла в комнату, он лежал на полу лицом вниз. Случилось то, о чем предупреждал тот старенький лекарь. Ухудшение. Глубокий, длительный обморок, а затем...

Я не могу помочь моему человеку. Я не могу даже коснуться его. Я так беспомощна!

Бежать! Прочь, прочь, отсюда!

Камень такой холодный, когда идешь босиком...

Нет... Я же не снимала туфель, я не снимала их...

Все это время... Кого я обманывала? Наверное, только себя.

Но ведь ты никогда и не верила в спасение Валентина, шепчет мне внутренний голос

-Неправда! Я всегда надеялась, что...

Может, ты просто пыталась быть с кем-то, чтобы не быть одной?

-Нет! Он мой, мой человек!

А была ли Ты его человеком? Ведь он ни разу не говорил с тобой о любви...

-Только потому, что нам не нужны были пустые слова! Только поэтому!

Глупая, глупая девчонка, которая хотела стать уличной, но так и осталась белоручкой.

Дождь, дождь, дождь...

Девочка в кружевном платье. Она бежит босиком по мостовой. Слезы катятся по ее лицу, смешиваясь с дождем. Ей просто нужно догнать женщину в белом. Это женщина ей дороже всех, дороже собственной жизни.

-Мама! Вернись! Не надо!! Не бросай меня! Не уходи...

У нее не хватает сил, и она падает в огромную лужу.

Подняться – нет сил. Но ведь она не успевает, не успевает!

-Пусть я умру сейчас, - шепчет девочка, - Пусть меня убьет дождь. И тогда мама вернётся, она будет плакать, но она ведь вернется...

Белая фигура все отдаляется от нее, пока не исчезает совсем.

-Я умираю, – говорит девочка и закрывает глаза.

Но она не умерла – дождь оставил ей жизнь. Она не приходила в себя две недели и целый год с того дня не произнесла ни слова.

Ее мать решила уйти, уйти за стену. Никто никогда ее больше ее не видел.

Стена не удерживает тех, кто хочет покинуть город. Но это желание должно быть истинным. Даже капля страха надежным и крепким якорем.

Девочка не смогла отправиться за матерью. Не смог и муж; спустя некоторое время он покончил с собой. Тетя много лет воспитывала малышку, но она не любила ее. Никто не любил девочку. А потом она потеряла все, и попробовала на вкус бедность. Но это было совсем не страшно, ведь у нее был тот, кого...

Я прислонилась к стене и сжала руками голову. Я хорошо помнила эту улицу, эти дома.

-Нет... Дождь, не забирай у меня маму... Не забирай ее! Не забирай у меня Валентина!

Мои глаза сухи, а кожа горит. Я умираю. Если я сейчас умру, мой человек очнется и придет сюда. Он будет горевать, но он ведь очнется...

Кто-то трогает меня за плечо. От него пахнет мокрым хлебом и немытыми волосами. Я знаю этот запах, но не могу вспомнить.

-Иди в замок, к мудрецу! Он поможет!

Кто это говорит!? Кто?

Я поднимаю голову и вижу блуждающие глаза Беспамятного. Откуда он здесь?

-Ты знаешь, как помочь ему?! Говори, говори!!

Я хватаю его за ворот.

-Иду в замок. Мудрец поможет.

В Замок? Но ведь он давно уже...

-Я хочу, чтобы ты играла на моей скрипке, - улыбается нищий.

-Да, я... Когда-нибудь, обязательно...

Постепенно ко мне возвращается способность мыслить. Нужно идти туда, идти скорей. На счету каждая минута.

«...амок» - потускневшая вывеска болталась на единственном гвозде и покачивалась из стороны в сторону, словно свежий висельник. Веселое заведение, полное пухленьких танцовщиц и лихих музыкантов, ныне пребывало в запустении. А ведь когда-то там любил бывать сам король (разумеется, инкогнито)!

Окна были наглухо забиты деревянными досками, краска со стен слезала клочьями, как шерсть с линяющей шавки. Я осторожно отворила дверь – от моего прикосновения она едва не вывалилась из петель. Пол натужено скрипел.

«Как бы не провалиться в подвал» - подумала я.

Внутри заведение выглядело еще ужасней. Столы и стулья валялись где попало, задрав кривые ножки. Под ногами что-то проскочило: то ли кошка, то ли большая крыса.

Мудрец дремал в соломенном кресле-качалке. В руке он сжимал бутылку с какой-то жидкостью, отдаленно напоминающей вино. Старик был одет в рваный халат и жилет из грязного меха.

Всюду валялось битое стекло и невероятных размеров мышеловки.

Заметив меня, человек встrepенулcя, чихнул и попытался принять вертикальное положение.

-Вы и есть Мудрец?!

Мне хотелось заплакать от отчаяния.

-А? Да, конечно, я выгляжу несколько...м-м... непрезентабельно, но все же я весьма мудр!

-Но если вы действительно Мудрец, то это место...

-А чем тебе оно не нравится, милая? Мне просто хочется уединения. Правда, здесь достаточно крыс, но они даже вносят толику разнообразия в мою жизнь. Надеюсь. Они однажды не сожрут меня целиком.

Я сделала шаг назад. Это же просто пьяный старик! И это последняя надежда?!

-Беспамятный сказал, что...

-Беспамятный? Вот как ты называешь моего друга? Эх, а когда-то он соображал куда лучше меня!

Может быть, он когда-то был врачом?

-Меня зовут... - начала я.

-А какое мне дело до того, как тебя зовут, милая? Говори, что надо и проваливай!

-Валентин болен! Ни одно лекарство не помогает!

Я рассказываю все этому грязному человеку.

-Вы ведь можете? Вы же великий врач, правда? Я могу заплатить, у меня есть немного денег...

-Врач? – он почесал лысый затылок, - Да, что-то в этом роде. А денег мне не надо, в руки не возьму эту дрянь! Одна добрая лавочница носит мне еду и выпивку, этого мне вполне достаточно.

Значит, он все таки врач! Спасибо, пресветлые Боги!

-Я могу заплатить и *иначе*.

Он прищурился:

-Ха! От значит, как все далеко зашло, а? Так любишь его?

-Он *мой человек*.

-Какая чушь! Нет никакой любви! Ничего нет! – он захохотал, - Лекарь! Ха! Да, он чужак, твой мальчишка, как и я, как беспамятный!

Безумие этого человека, его страшные глаза пожирают меня.

-Хватит! Скажите мне хоть что-нибудь!

-Что же мне сказать тебе? Может то, что ваш город Спокойствия проживает последний год?

-Что...?

-Ничто не вечно, дорогуша! Ветер с Востока знает свое дело. Превратитесь в песочек, ха! Аста ла Виста, бэйби! Что же такое ваш город? Да просто сон, увиденный в осеннюю ночь! Какой-то придурок начитался фентезни и лег дрыхнуть! В твоём мире до кучи этих самых снов: целые страны, вселенные! Все увиденное людьми появляется здесь.

-Наверное, вы говорите о великих Богах?

- Богах? Лестно, лестно! Все они – просто свиньи! Они умеют только жрать! Я ведь был лучшим! Я разработал эту чертову методику!! Вылечил сотню долбанных психов! Сотню коматозников, наркошей! Нет, ты только послушай! Мы смогли погружаться внутрь сна, смогли путешествовать вне тела. Но мы и представить себе не могли, что обнаружим такое! Долбанную помойку снов. Время от времени этот ветер, как пылесос, чистит ее, чтобы новые сны появлялись здесь. Я бы стал миллиардером! Но это ублюдок Горски подсунул мне кофе с дурью, перед тем как я сел за руль. Хочешь знать, что дальше? Я впал в кому – и оказался здесь. Если бы только вернуться! Когда-то я не хотел, а теперь уже могу. Не пройти через врата. Теперь я слишком далеко. И я тоже сдохну, потому что этот чертов Ветер достал меня даже здесь, он дует мне в лицо и соскребаёт с него молодость. Но я проживу, конечно, дольше, чем ты и твой городишко.

Мудрец брызгал слюной, говоря страшные, непонятные вещи. Я поняла, что он болен, он безумен...

-Валентин... - прошептала я, - Неужели все напрасно?

-А, твой мальчишка? Он оттуда, оттуда. Но он хочет вернуться, а силенок маловато, вот его и крючит. Если он не перестанет, то помрет, застрянет на перепутье.

-Нет, он не перестанет. Он всегда будет печалиться о городе из синего стекла.

-Ишь ты, как трогательно! Малыш заблудился и хочет домой. А память отшибло...

-Вы ведь... Ничего не сделаете, верно?

-Я это сказал, да? Ну вообще-то есть один способ. Если ему поможет кто-то из вне, оттуда. Тот, кто имеет способность проникать в сознание. Например, ты.

-Я?! Я могу помочь? Я сделаю все, только скажите...

-Скажу. Ха, будет забавный эксперимент. Но сюда ты уже не вернешься. Ты всего лишь отросток, частичка сна. Там у тебя тоже будет совсем мало времени. Пара минут, если я не ошибаюсь. А потом тебе придет капец.

-Я умру?

-Не совсем. Умирают люди, а ты исчезнешь.

-Ис-чез-ну... - я повторила это слово по слогам, чтобы понять его вкус, - А куда я должна отправиться?

Он нехорошо усмехнулся:

-В мир Богов. Я смогу тебя туда переправить. Я же Бог в отставке, ха! Не веришь? А придется. Если не передумала, конечно. Нет, ну это научный прорыв, конечно! Слушай, что надо делать...

Мысли снова спутались в клубок.

-Я готова. Только скорее...

Мудрец ухмыльнулся и взмахнул рукой. И в тот миг я почувствовала необычайную легкость. Я зажмурила глаза от удовольствия – вот как мне было хорошо. Я увидела белую дверь со странной надписью «Hospital». Я прошла ее насквозь.

И оказалась в мире Богов.

Я увидела коридоры с ослепительно белыми стенами. Вокруг ходили Боги – они были одеты в белые и светло-зеленые одежды. Над каждым из них роилась особая аура.

Мудрец сказал, что с помощью нее я должна найти хранителя Валентина.

«У тебя получится, милая. Просто слушай свое сознание. И помни о времени»

Я и не забывала о нем. Мои ступни и кончики пальцев на руках были уже прозрачными.

Я успею. Я уже чувствую его.

Я влетела в круглую залу: здесь было много Богов с печальными лицами. Нет, не здесь. Дальше.

Комната с окном, лишенным занавесок. Кровать на колесиках, коробки с проводами – вот и все обстановка.

На кровати лежал Бог. Он был толст и некрасив. Его глаза горели нездоровым, безумным огнем. Жидкость из трубки пыталась погасить это пламя, но у нее плохо получалось.

Я подлетела ближе, ощущая, что не чувствую своих ног.

-Я нашла тебя, добрый Бог!

Да. Я нашла его.

И я сделала так, как меня учил Мудрец. Я склонилась над лежащим и подула ему на голову. Огонь, который пылал вокруг него, дрогнул и погас.

-Ты был Болен, добрый Бог. Но теперь все позади.

Я смотрела на него и видела Валентина. Они были так не похожи, и в то же время они были одним. Я поняла это. Я поняла, что мой дорогой человек спасен.

Легче, еще легче... Мне больше не удержать моего тела.

Я взглянула в окно и увидела город из синего стекла.

Как красиво! Ты был прав, Валентин, раде этого стоило...

Ветер с Востока раскрыл ставни и ворвался в белую комнату.

Я зажмурилась от страха. Сейчас он разорвет меня на части.

Но он был добр и ласков. Он коснулся моих волос.

Он сказал: «Пойдем».

Беспамятный сидел в кресле-качалке. Плечи его дрожали. То ли от слез, то ли от хохота. Вдруг он схватил свою скрипку, размахнулся и бросил ее о стену.

-Ха! Ты уже не сможешь поиграть на ней, дорогуша! Как же сложно быть Мудрецом... Быть слабоумным нищим куда проще, ха!

Над городом спокойствия сгущались тучи. Будет дождь, такой дождь, какого не было никогда. Все смешается в этом дожде.

-Пусть я умру... Она узнает об этом, и вернется. Она не будет грустить, но все равно вернется, – шептал старик. Он всегда наблюдал за этой девочкой, он знал ее лучше, чем она сама знала себя, и он убил ее.

-Но ведь умирают только люди. А она... Почему, почему?! Я же просто старый дурак! Я ничего не знаю! Я не знаю, кто такие на самом деле эти торговцы. Я не знаю, кто построил эту стену и почему этот сон, этот город жил так долго. Я думал, что я ведаю все... Но я не знаю, что случается со снами, которые снятся снам.

Ветры свистели в крыше замка. Ах, как они буянят! Того и гляди, разнесут все по бревнышку.

-Господи! Мой Бог, мой хранитель, если ты есть, скажи мне, наконец – что же такое этот Ветер с Востока!?!!